

Георгий Праздников

Театр Владимира Малыщицкого

«Театр Малыщицкого» – не только (не столько!) эстетика, сколько жизненная позиция режиссера, его нравственное поведение. Театр – это судьба Владимира Афанасьевича. В постмодернистской ситуации, когда все играют, все понарошку, прикольно и стебно, Малыщицкий был бы старомоден. Его театр располагался в жизни, болел ее проблемами. Режиссеру, прекрасно владевшему формой, остро чувствовавшему театральность, не грозило дидактическое занудство. Но вопрос «зачем?» (по Блоку – «самый русский вопрос художника») был для его театра определяющим.

В давнем манифесте самодеятельного коллектива *Studio*, которым почти десять лет руководил Малыщицкий, сформулированы нравственные, эстетические, социальные принципы его театра: «спектакль может быть таким же общественным, действенным событием, как митинг, форум граждан...»; «ставить проблемы к разрешению их обществом»; «изменять людей, начиная с самих его создателей...». Возможно, в этих постулатах была доля самонадеянности, но Малыщицкий всегда оставался верен им.

Обращаясь к созданному на основе ЛИИЖТовской студии Молодежному театру на Фонтанке, К.Л. Рудницкий писал: «...ваша сцена, ваша Сенатская площадь, каждый вечер, как и сто пятьдесят пять лет назад, ждет от вас готовности к риску <...>. Вам было трудно сто пятьдесят пять лет назад, а сегодня будет не легче. И все-таки игра стоит свеч. И все-таки никакой другой игры вы не захотите».

Каков масштаб сравнения! Насколько мне известно, в жизни Рудницкий не был велеречив. Слова его, связанные, конечно, с постановкой спектакля «Сто братьев Бестужевых» по пьесе Б. Голлера, оказались пророческими. Не каждому дано счастье прожить свою жизнь, сыграть свою игру. Да и вряд ли это вообще «дается». Нет, требует ежедневных, порой непомерных усилий.

Замечательные, удивительные люди дарили Владимира Афанасьевича близостью, дружбой, любовью. Прекрасная школа – аспирантура у Г.А. Товстоногова. Малыщицкий ставил в БДТ «Театр времен Нерона и Сенеки» – спектакль, об участии в котором Андрей Толубеев, сыгравший после Нерона десятки ролей, в 2005-м говорил как о счастье: «Я благодарен за роль. Такой роли у меня не было, нет, и, кажется, не будет. Нерона я люблю больше Арбенина».

Стажировка у Ю.П. Любимова и совместная с ним работа в Театре на Таганке. Дружеское участие Юрия Петровича в судьбе Малыщицкого продолжалось и в пору становления Камерного театра Малыщицкого (1989 г.): Любимов писал письма в поддержку, звонил начальству, слал телеграммы... Педагогическая работа на курсе Р.С. Агамирзяна в Институте театра, музыки и кинематографии (ныне РГИСИ) дала возможность постановки в Учебном театре и в Театре им. В.Ф. Комиссаржевской драмы «Дети Ванюшина»...

А какой круг друзей сложился у *Studio* и Молодежного театра! Ю. Давыдов, А. Битов, Б. Окуджава, И. Авербах, А. Герман, Я. Гордин, К. Лавров, А. Володин, Ф. Искандер, В. Сахновский-Панкеев, Н. Коржавин,

Ю. Карякин, Ю. Лотман, А. Сокуров... Малыщицкий оставался верен кругу людей, с которыми сводила его судьба. Есть ли еще хоть один театр, поставивший на своей сцене 15 спектаклей по пьесам Володина?! Я читал адресованные Владимиру Афанасьевичу письма К.Л. Рудницкого, который, кстати, не пропускал ни одного нового спектакля (специально приезжал из Москвы), откликался на них в центральных газетах, дружил с актерами.

Владимир Афанасьевич человечески, профессионально заслужил этих друзей, он был интересен им. У них было общее понимание и переживание жизни. «Это больше, чем искусство, – писал Рудницкий о театре Малыщицкого. – Это духовность». В аналитической статье о Малыщицком прекрасный режиссер и педагог Мар Владимирович Сулимов отмечал необычную тишину зала после спектакля – прежде аплодисментов требовалось время, чтобы прийти в себя. Одна из зрительниц в отзыве о студийных спектаклях писала, что на них стоит побывать – хотя бы ради того, чтобы посмотреть на лица зрителей... А на прогоне перед открытием Молодежного театра режиссер, известный кинодокументалист Людмила Станукина говорила: «Какие лица в зале! А вечером тоже будут такие лица?».

Мне близко и дорого романтическое отношение Владимира Афанасьевича к искусству. Пастернаковское «игра и мука» – это и о театре Малыщицкого. Будь только «мука», – не было бы искусства. Не раз в размышлениях о театре Малыщицкого я вспоминал формулу Питера Брука – «живой театр», имея в виду и это его драгоценное качество – театр как личная жизнь, как судьба, как поступок.

Эстетике Малыщицкого был чужд натурализм, это декларативно антинатуралистический театр. Как правило, спектакли очень четко были выстроены по форме. Образы ориентированы на предельное жизнеподобие, но возможна и полная условность актерского существования. Есть спектакли, от начала до конца пронизанные музыкой (кажется, что слово и жест были вписаны в партитуру композитора Юрия Симакина, писавшего музыку почти ко всем спектаклям Малыщицкого), а где-то (как в «Сотникове» и «Отпуске по ранению») только персонажи несли на себе всю полноту театрального действия.

Мне кажется, что режиссер Малыщицкий владел какой-то тайной пратеатра, воссоздавая на сцене в принципе не театральное содержание. Едва ли не половина лучших спектаклей Малыщицкого – воплощенная на сцене проза и поэзия, как правило, впервые. «Не стреляйте

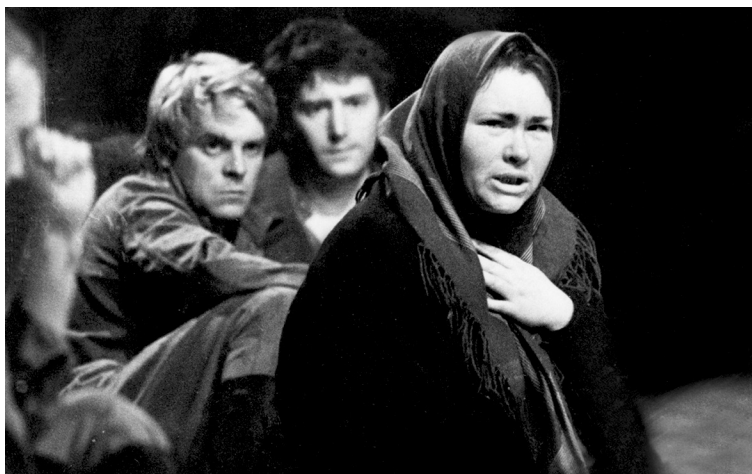

«Сто братьев Бестужевых». Молодежный театр. Сцена из спектакля

в белых лебедей» Б. Васильева, «Сотников» В. Быкова, «Отпуск по ранению» В. Кондратьева, «И дольше века длится день...» Ч. Айтматова, «Джамхух – сын Оленя» Ф. Искандера – в Молодежном театре. «Шествие» И. Бродского, «Сны Евгении» А. Казанцева, «Заповедник» С. Довлатова – в Камерном театре Малыщицкого. Всегда в этих спектаклях поражала эстетическая непререкаемость и цельность образа.

Этому театру была присуща захватывающая театральная выразительность. Каранар – грандиозная художественная находка Айтматова. У каждого читателя романа «И дольше века длится день...» в воображении – свой Каранар. В спектакле Малыщицкого в Молодежном театре перед глазами зрителей, на первый взгляд, было что-то в высшей степени несуразное: на носилках по сцене таскали верхнюю половину верблюжьего чучела... Но эта сцена была так сочинена режиссером, что даже от воспоминания о ней подступает комок к горлу и увлажняются глаза. И спектакль был признан лучшим спектаклем ленинградского театрального сезона 1982/1983 гг. наряду с постановками Товстоногова и Додина.

А как можно забыть эпизодическую роль вдовы Степановны в «Отпуске по ранению»? Игравшая ее (тогда начинающая актриса) Нина Усатова на протяжении всего спектакля не исчезала со сцены, все время стирала белье. До конца жизни мы будем помнить ее согбенную

Н. Усатова – Старостиха. «Сотников». Молодежный театр

фигуру, помнить не только зрительно, но благодарным сердцем переживать подлинное искусство театра.

После принудительного расставания с Молодежным театром многолетняя работа Малыщицкого в помещении бывшего жэковского «красного уголка» (размером с обычную квартиру) на Конюшенной улице кажется невероятной. Потолок можно было достать рукой, а переход актеров с одной стороны сцены на другую в любое время года возможен был только через двор (обычный питерский двор с машинами, лающими собаками, пьяными прохожими). И разве не чудо поставить в таких условиях «Пиковую даму» или булгаковского «Мольера»? Да как поставить! «Пиковая» удивляла не только изяществом и выразительностью театрального решения, но и философской глубиной замысла. Я не раз видел и очень любил известный одноименный спектакль БДТ, но «Мольер» Малыщицкого был лучшим из всех виденных мной на сцене.

Внешняя сторона спектаклей Малыщицкого аскетически проста. Это эстетический принцип, который режиссер исповедовал всю жизнь. Формула Ежи Гротовского – «бедный театр». Но у Малыщицкого работали законы зрелища, а не ритуала.

В последние годы Малыщицкий, как никогда прежде, много ставил отечественную классику – Чехова, Пушкина, Гоголя. Ставил

«И дольше века длится день...». Молодежный театр. Сцена из спектакля

интересно, с той естественной для него мерой искренности, которая начисто исключает как музейное решение, так и модное ныне приращение смыслов. За воплощение классики в сезонах 1995/2000 гг. Малышицкий был удостоен первой премии «Петрополь» (2000), в том же году Владимиру Афанасьевичу присуждена премия «Европа-2000» (Мадрид) «За профессиональные заслуги и достоинство», а в 2001-м ему присвоено звание «Человек года» в номинации «Режиссеры Санкт-Петербурга».

...В одном из последних писем театру Малышицкого Рудницкий писал: «...Время уходит. Надо сделать то, что я обязан сделать». Среди этих обязательств:

- сказать Малышицкому: «Я хотел бы, чтобы вы твердо знали: людей с режиссерским дарованием вроде вашего – мало на свете»;
- сказать его театру и всем нам: «Верьте Малышицкому, он способен создавать театр. Таких людей на свете очень мало. Берегите и защищайте его».